

лей или их произведений приводит хотя бы отчасти к возрождению эстетического плюрализма в литературе.

Если принять концепцию, предложенную М. М. Голубковым, то история советской литературы предстанет перед нами как своего рода пульсация, когда периоды более или менее полной реализации альтернативных возможностей литературы сменяются под давлением политического прессинга периодами стагнации, когда единственная «разрешенная» эстетическая система, лишенная взаимодействия с какой-либо художественной и идеологической альтернативой, окостеневает, утрачивает свои художественные возможности.

В. В. Кожин, признавая необходимость пересмотра сложившихся о литературе послеоктябрьской эпохи представлений, предостерегает в то же время от чрезмерного увлечения теми литературными именами, которые до перестройки находились в тени или вообще не были известны. Докладчик обратил внимание на тот факт, что предлагаемая ныне «альтернатива» — выдвижение этих имен на первый план — давно существует, например, в русистике США. И уже в 1970-х годах исследовательница из Иельского университета Присцилла Майер заметила, что увлечение американских советологов «альтернативными» оценками привело к печальному результату: они стали чуть ли не большими догматиками, чем их коллеги в СССР, так как возводили на пьедестал все то, что можно было понять как «крамолу», и игнорировали или, по крайней мере, недооценивали те литературные явления, которые не поддавались прямо политической (понятно, антисоветской и антисоциалистической) интерпретации. Иначе говоря, «политизация» изучения послеоктябрьской русской литературы приняла в США даже более заостренный характер, чем в СССР. И сегодня нашему литературоведению угрожает нечто подобное.

В докладе В. В. Кожина отчетливо прозвучала мысль о том, что, развиваясь в трагических обстоятельствах, советская литература в своих лучших образцах сумела сказать новое слово, отразить объективное содержание эпохи. И это удавалось не только тем писателям, которые резко критически, а порой и враждебно относились к процессам, разворачивавшимся в нашей общественной жизни после революции, но и тем, кто, как А. Фадеев, последовательно боролись за социалистическое содержание искусства, резко выступали против безыдейности и аполитичности.

В развернувшейся на конференции дискуссии выступили ученые и писатели: Ю. Барабаш, А. Бочаров, Б. Гончаров, Г. Гоц, В. Гусев, И. Жуков, Л. Иванова, А. Карпов, В. Ковский, А. Ланшиков, О. Михайлов, С. Небольсин, П. Николаев, В. Оскоцкий, Ю. Прокушев, К. Раш,

И. Ростовцева, В. Саватеев, М. Семиряга, Л. Спиридонова, Д. Урнов, В. Чалмаев, Е. Челышев (Москва), Ю. Андреев, В. Базанов, В. Бузник, В. Гречнев, П. Выходцев, Н. Грознова (Ленинград), В. Баранов, И. Кузьмичев (г. Горький), В. Гура (Вологда), Н. Ильницкий (Львов), В. Лукьянин (Свердловск), В. Мельник, Л. Новиченко (Киев), М. Мушинский (Минск), Л. Резников (Петрозаводск), Л. Финк (Куйбышев), М. Агурский (Израиль), Б. Бялковозович (ПНР). Количество выступавших (более 40 человек) не позволяет передать в ограниченной по объему информации содержание каждого выступления даже в самых общих чертах¹.

Не всегда дискуссия велась в русле обозначенной в названии конференции проблематики, но большинство участников правильно поняли поставленную задачу — сосредоточиться на наиболее общих принципах изучения советской литературы, осознание которых позволит действительно по-новому взглянуть на ее историю.

В последнее время происходит переоценка многих явлений и имен истории литератур народов СССР, справедливо говорится о ликвидации «белых пятен» и активно идет сама ликвидация; к сожалению, процесс этот сопровождается издержками, которые несут далеко не безобидный характер. В периодической печати получили широкое распространение необоснованные нападки на классиков советской литературы; сложные культурно-идеологические ситуации 20—30-х годов толкуются произвольно, вне исторического контекста; в оценке литературного наследия народов СССР проявляются порой тенденции националистического характера. Тем более повышается ответственность академического литературоведения за последовательное утверждение научного историзма, четких мировоззренческих позиций.

Принципиально важным для формирования нового взгляда является поставленный на конференции вопрос о взаимоотношении теории и практики, концептуальных идей и историко-литературных фактов. По этому поводу выступающими высказывались полярные мнения: одни ратовали за то, чтобы в первую очередь изучать конкретику, а уж потом браться за теоретические построения, другие отстаивали первородство концепций. Однако вряд ли такое противопоставление правомерно. Освещение историографических аспектов невозможно без обновленной методологической основы, а следовательно, без теории. Научная плодотвор-

¹ Материалы конференции выйдут отдельной книгой в издательстве «Наука» (1990). Желаям ее приобрести необходимо срочно выслать заявку в ИМЛИ АН СССР.